

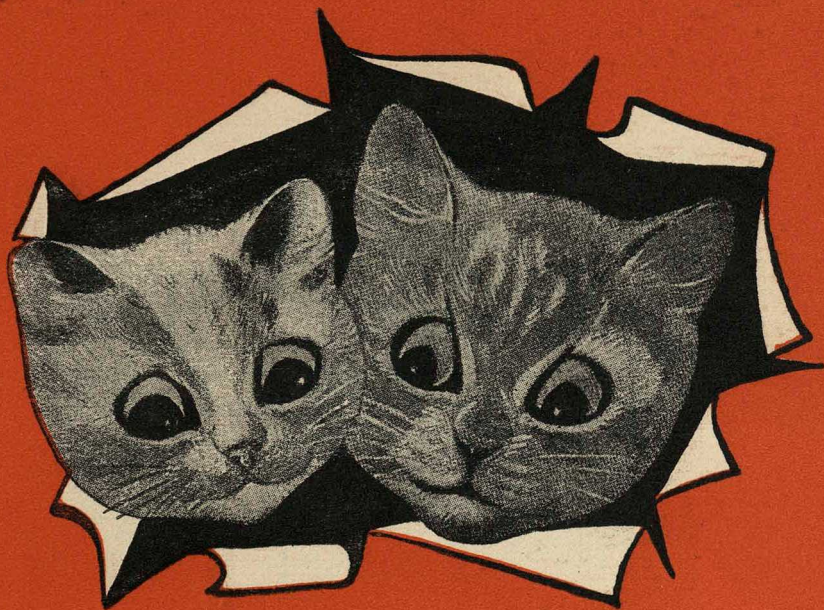
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень въ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

ДЕКАБРЬ

№ 3.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

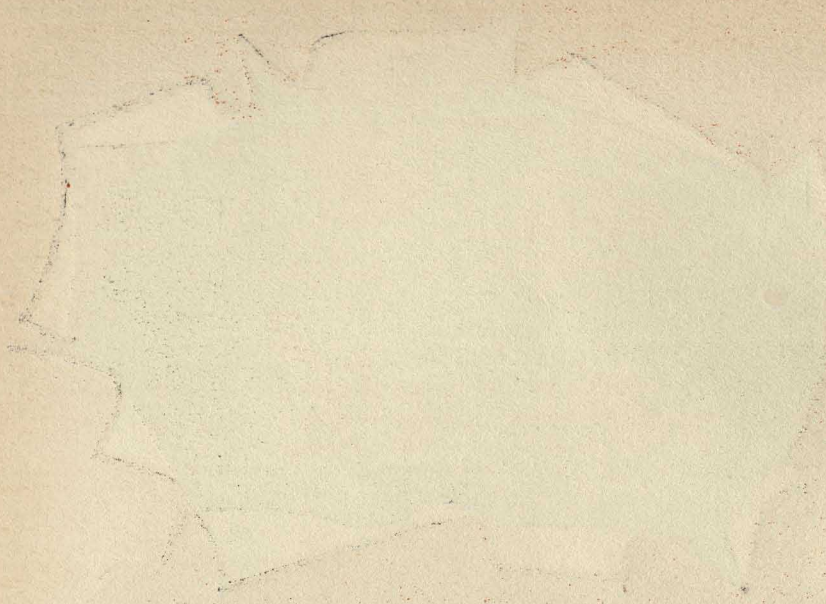
БѢДНЯКЪ.
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ЛАКОМКА.
КЛАДЪ «СВЯТОИ ЕВГЕНІИ».
ЯБЛОНЯ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Древне-греческая ваза для склеиванія.
«Въ тепломъ гнѣздышкѣ» — сборникъ повѣстей и рассказовъ для дѣтей (листъ 1-й).

100-10000-10000

SECRET

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

(continued)

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

CONFIDENTIAL

№ 3. Ноябрь, 1910.

Годъ изданія IV-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Надоѣдливая муха.

БѢДНЯКЪ.

Когда ты въ комнатахъ уютныхъ
Живешь въ кругу своемъ род-
номъ,—
Какъ много нищихъ-безпріютныхъ
Проходить подъ твоимъ окномъ!
У васъ тепло, свѣтло, нарядно,
А тамъ подъ снѣгомъ, подъ дож-
демъ
Стоишь бѣднякъ и безотрадно

Глядитъ на вашъ уютный домъ.
Стоитъ, глядитъ съ тоскою тайной,
Душа его скорбей полна...
И если, бросивъ взоръ случайный,
Его увидишь у окна,
То безъ боязни, безъ презрѣнья,
Ты на него хоть разъ взгляни
И уваженіе къ терпѣнью
Въ душѣ навѣки сохрани.

Николаева.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Продолженіе).

Проводивъ Соню, няня Агаша прошла по комнатамъ, которыя показались ей какъ-то опустѣвшими, точно дѣвочка занимала весь домъ. Наступилъ затѣмъ вечеръ, шумѣло море, попугай прокричалъ нѣсколько разъ—„Соня! Соня!“ и смолкъ. Няня сѣла на ступеньки террасы и долго думала о себѣ. Ей было горько и обидно, что ее разлучили съ ея воспитанницей, которую она очень любила, и отказали отъ мѣста. Куда теперь она пойдетъ? Что она будетъ дѣлать?

На утро явились какіе-то люди въ сопровожденіи господина съ кокардой. Они описали всю мебель и попугая, заперли дачу и сказа-

ли нянѣ, что она можетъ уходить. Дача со всей обстановкой досталась другимъ, ее продали за долги, и никому не было ровно никакого дѣла, куда теперь дѣнется няня и куда она теперь пойдетъ.

Она пробыла на дачѣ еще четверо сутокъ, а затѣмъ собрала свои пожитки и отправилась въ Ялту. Денегъ у нея было мало, ѣхать на извозчикѣ было дорого и она сѣла на катеръ и поплыла по морю. Между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находилась дача, и Ялтой обыкновенно ходили пароходы, но кромѣ нихъ совершалъ путешествія еще и катеръ; ѣхать на немъ было дешевле, но за то и менѣе безопас-

но. И какъ разъ случилось такъ, что, какъ на грѣхъ, разразилась буря, и бѣдную няню трепало вмѣстѣ съ катеромъ, какъ щепку, и когда она пріѣхала въ Ялту, то у нея кружилась голова и она шаталась изъ стороны въ сторону, какъ пьяная.

— Куда-же идти теперь? задала она себѣ вопросъ.

Быль вечеръ. Волны съ шумомъ ударялись о набережную и дуль вѣтеръ, но въ городскомъ саду играла музыка и пріѣзжіе, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляли по тротуарамъ и весело разговаривали. Няня шла среди нихъ, глядѣла по сторонамъ, точно ожидала, что вотъ-вотъ откуда-нибудь выскочитъ сейчасъ Соня и бросится къ ней на шею. Но Соня не выбѣгла ни откуда и нянѣ казалось, что она затеряна въ этой чужой для нея толпѣ и въ этомъ чужомъ городѣ безнадежно и навсегда.

Мимо нея шли нарядныя барыни, проходили красивыя дѣти, но никому изъ нихъ не было до нея дѣла. Она долго еще бродила взадъ и впередъ со своимъ узелкомъ въ рукѣ и наконецъ рѣшилась и подошла къ лавочнику, стоявшему у двери своего магазина.

— Вы не знаете, обратилась она къ нему, — гдѣ здѣсь контора для найма прислуги?

Онъ поднялъ глаза кверху, подумалъ и лѣнливо отвѣтилъ:—

— Не знаю.

Она пошла далѣе. Усталая, она свернула на бульваръ и сѣла на лавочку. Теперь нужно было подумать о ночлегѣ. Ея сундукъ и постель остались на пристани, съ нею былъ одинъ только узелъ ея наиболѣе дорогихъ вещей и теперь она не знала, какъ ей поступить? Нанять-ли гдѣ-нибудь уголь и заночевать тамъ безъ всего, или-же возвратиться на пристань и попытаться провести ночь подъ открытымъ небомъ?

И вдругъ до нея долетѣлъ разговоръ двухъ дамъ, которыя проходили мимо нея по бульвару.

— Я просто измучилась безъ няни! говорила одна изъ нихъ. — Моя Валя все время одна... Бѣдняжка скучаетъ, а я не могу заниматься съ нею сама, потому что все время провожу около больной сестры...

— А вы обратитесь въ контору для найма прислуги! отвѣтила ей другая дама.

Агаша услышала этотъ разговоръ и встрепенулась. Она вскочила съ мѣста, подбѣжала къ дамамъ и долго шла слѣдомъ за ними, не рѣшаясь окликнуть ихъ и обратить на себя ихъ вниманіе.

Дамы сошли съ бульвара и остановились около рѣшотки одного небольшого дома. Завидѣвъ ихъ, изъ садика выбѣжала дѣвочка лѣтъ девяти съ распущенными волосами и въ бѣлой фескѣ и бросилась одной изъ нихъ на шею.

— Мамочка! Мамочка! закричала она.—Какъ я безъ тебя скупчала!

Дамы простились. Одна изъ нихъ пошла дальше, а другая съ дѣвочкой собралась уже войти въ калитку, какъ няня-Агаша набралась храбрости и окликнула ее:

— Сударыня!...

Дама съ дѣвочкой обернулись.

— Сударыня, продолжала Агаша.—Не нужна-ли вамъ няня?

Дама оглядѣла ее съ ногъ до головы.

— А вы гдѣ раньше служили? спросила она ее.

Агаша рассказала ей все. Рассказывая, она не сумѣла совладѣть съ собой и, вспомнивъ Соню, вдругъ бросилась къ дѣвочкѣ, прижала ее къ себѣ и горячо поцѣловала ее въ обѣ щеки. Это расположило къ ней даму и дѣвочку.

— Ну, что Валя? обратилась дама къ дочери.—Хочешь имѣть няню?

Валя улыбнулась и отвѣтила: Хочу.

Агашу ввели въ домъ и стала она няней у Вали.

Послѣ четырехъ сутокъ разлуки съ Соней Агашѣ показалось, что она вновь нашла свой домъ, и ей было приятно, что дѣвочка встрѣтила ее съ довѣрчивыми глазами и съ первой-же минуты расположилась къ ней. Сама дама при свѣтѣ лампы показалась нянѣ блѣдной и печальной и можно было

сразу-же догадаться по выраженію ея глазъ, что на душѣ у нея было горе.

— Ну, вотъ, няня... обратилась она къ Агашѣ.—Это наша квартира... Здѣсь мы живемъ только вдвоемъ, а моя сестра хвораетъ... Она лежитъ въ санаторіи и я хожу туда къ ней каждый день.

Валя и ея мама сѣли ужинать и няня прислуживала имъ за столомъ въ первый разъ. Онѣ обращались съ ней ласково и просто и совершенно не было похоже на то, что няня была нанята только два часа тому назадъ.

Въ девять часовъ Валя легла спать. Няня умыла ее, раздѣла и ласково уложила ее въ постельку. Валя долго не могла уснуть и все просила ее что-нибудь ей рассказать. Няня стала рассказывать ей про Соню, Валя заинтересовалась ею и заснула только въ десять часовъ. Когда няня вышла изъ спальни, то нашла свою новую хозяйку все на томъ-же мѣстѣ, гдѣ она сидѣла и за ужиномъ. Она положила локти на столъ, а голову на локти и повидимому дремала.

Няня на цыпочкахъ подошла къ ней и тихонько поцѣловала ее въ голову.

— Идите, барыня, спать... обратилась она къ ней.—Вы должно быть устали!

Она сказала это такимъ искреннимъ тономъ, что дама подняла голову и взглянула на нее,

какъ и Валя, довѣрчивыми глазами.

— Да, няня, отвѣтила она, я устала. Сегодня цѣлую ночь продежурила около сестры и не смыкала глазъ. Она очень больна. Пора уже домой, насъ давно уже ожидаютъ мой мужъ и сынокъ, а уѣхать нельзя... Такъ мнѣ здѣсь все надоѣло!

Няня распросила ее о мужѣ и сынкѣ и между ними сразу-же завязался искренній, хорошій разговоръ. Онѣ какъ-то сразу вдругъ поняли другъ дружку и когда разошлись, то каждая изъ нихъ была довольна.

— Это мнѣ ее самъ Богъ послалъ! думала дама, укладываясь спать.

А няня крестила большимъ крестомъ сладко спавшую Валю и шептала:—

— Слава тебѣ, Господи! Кажется, я попала къ хорошимъ людямъ!

Эту даму звали Надежда Сергѣевна. Ея мужъ служилъ въ Ярославлѣ, а сынъ Оедя учился тамъ въ первомъ классѣ гимназій.

Двѣнадцать дней спустя, Надежда Сергѣевна получила изъ дому телеграмму, въ которой мужъ Петръ Николаевичъ сообщалъ ей, что Оедя заболѣлъ и хочетъ видѣть свою мать. Надежда Сергѣевна встревожилась, засуетилась, собиралась домой и чувство тяжкаго безпокойства за Оедю овладѣло всѣмъ ея существомъ. Она поговорила съ докторомъ въ санаторіи относительно сестры, на-

няла къ ней сестру милосердія и двинулась вмѣстѣ съ Валею и няней въ дальній путь. Сѣвъ на пароходъ, она почувствовала себя такъ, точно вырвалась на свободу, но мысль о Оедѣ не давала ей покоя и ей хотѣлось, чтобы пароходъ шелъ скорѣе и чтобы поѣздъ летѣлъ, какъ стрѣла.

И, какъ раньше передъ Соней, передъ няней потянулись сперва Крымскія горы, затѣмъ показался Севастополь, а потомъ замелькали станціи желѣзной дороги и города—и вотъ наконецъ она и въ Ярославлѣ. На вокзалѣ ихъ встрѣчаетъ Петръ Николаевичъ, къ нему съ веселымъ визгомъ бросается Валя на шею, Надежда Сергѣевна хочетъ спросить его о Оедѣ, но по выраженію его лица догадывается, что Оедя уже здоровъ. Они садятся въ экипажъ и черезъ весь городъ ѣдутъ къ себѣ домой.

Раннее утро. Звонятъ колокола. Имъ попадаются по пути старинныя церкви. Вдоль бульвара бѣжитъ трамвай и спускается куда-то внизъ. Слышны фабричныя гудки. Няня думаетъ, что это на фабрикахъ, но экипажъ выѣзжаетъ на набережную и она видитъ себя на берегу великой рѣки. Это Волга. Внизу, у пристаней, стоятъ пароходы и гудятъ, плывутъ баржи и тянутся безконечныя плоты. На противоположномъ берегу видны домики и за ними—даль, уходя-

щая куда-то далеко-далеко, и ее пересѣкаетъ дымокъ: это ѣдетъ поѣздъ на сѣверъ. Внизу раздается пѣніе хоромъ: это грузчики притягиваютъ къ пристани баржу.

Няня взглянула на эту рѣку, на этотъ чисто-русскій городъ, съ его церквями и монастырями, прислушалась къ звону колоколовъ и гудкамъ пароходовъ и ей стало вдругъ такъ пріятно, что захотѣлось даже смѣяться.

„Здѣсь гдѣ-то въ Ярославской губерніи и моя милая Соня“, подумала она.— „Только гдѣ она? Привель-бы Господь повидаться!“

Өедея оказался очень милымъ, выдержаннымъ мальчикомъ и скоро сдружился съ няней. Каждый день она ходила вмѣстѣ съ Валею гулять на бульваръ и заходила за Өедей въ гимназію. Всѣ втроемъ они возвращались обратно домой. А когда наступалъ вечеръ, то няня рассказывала имъ сказки или же говорила о Сонѣ; они слушали ее, широко раскрывъ глаза, и старались не проронить ни одного ея слова. И Соня казалась имъ почему-то героиней и имъ хотѣлось знать, гдѣ она сейчасъ, что дѣлаетъ и какъ живетъ ей теперь, но няня не могла отвѣтить имъ опредѣленно, такъ какъ и сама не знала о Сонѣ ничего. Но Валя и Өедея заинтересовались Соней и каждый разъ заставляли няню повторять то, что уже слышали отъ нея не разъ.

А Соня находилась всего только въ ста верстахъ отъ нихъ и отъ няни и даже и не предполагала, что о ней думаютъ и говорятъ.

Настала зима, ранняя и морозная. Соня попрежнему весело распѣвала свои пѣсни. Боря тоже какъ-то сразу перемѣнился и теперь уже не убѣгалъ отъ ученья, а самъ первый приходилъ въ классную и принимался за свои книги. Иванъ Игнатьевичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и всю эту перемѣну приписывалъ вліянію Сони и незлобности ея характера. Дядюшка Григорій Петровичъ тоже какъ-то вдругъ расцвѣлъ и теперь уже часто улыбался и шутливо разговаривалъ съ дѣтьми. Въ домѣ все какъ-то повеселѣло, заулыбалось. Повсюду появились салфеточки, которыя Соня вышивала сама, коврики. На окнахъ появились цвѣты. За обѣденнымъ и за чайнымъ столомъ Соня возсѣдала уже въ качествѣ хозяйки дома и важно разливала чай и раскладывала кушанья по тарелкамъ. Все бѣлье въ домѣ было на ея рукахъ: она выдавала его прачкѣ, считала его и нужно было удивляться, какъ она, такая маленькая, могла распорядиться всѣмъ домомъ, какъ хозяйка. Она вставала раньше всѣхъ, налаживала въ домѣ порядокъ, заказывала въ кухнѣ обѣдъ, а затѣмъ шла въ классную и учила тамъ свои уроки. Послѣ ученья

она садилась за вышиванье, которое показывала ей слѣпая Ольга Ивановна, теперь частенько посѣщавшая ихъ домъ, а затѣмъ штопала на всю семью бѣлье. Повидимому, она хотѣла забыться въ трудъ, а можетъ быть и ея дѣятельная природа требовала отъ нея того, чтобы она была каждую минуту занята.

— Что за дѣвочка! — восхищался Иванъ Игнатьичъ. — Вѣчно трудится, вѣчно занята!

А ея дядя любовался ею и говорилъ:

— Какое счастье, что она у меня! Съ ней какъ-то воскресла въ нашемъ домѣ жизнь!

Привыкшая къ югу, Соня недружелюбно взглянула на сѣверную природу. Ей хотѣлось моря, горъ, стройныхъ кипарисовъ. Но когда стала надвигаться осень, когда всѣ лѣса и весь паркъ покрылись яркими осенними красками и высоко въ небѣ закричали улетавшіе до весны журавли, ей показалось, что здѣсь хорошо, и это грустное умираніе сѣверной природы показалось ей красивымъ и нѣжнымъ, какъ печальная, но трогающая музыка. А когда настала зима, съ ея морозами, съ ея бѣлымъ, хрустящимъ подъ ногами снѣгомъ, то она обрадовалась ей, стала часто выбѣгать на воздухъ и, одѣваясь въ овчинный тулупчикъ, въ шапку съ ушами, въ валенки и въ шерстяныя рукавички, брала въ руки

лопату и съ наслажденіемъ разгребала вмѣстѣ съ Борей снѣгъ. Иванъ Игнатьичъ устроилъ горю и катокъ и дѣти стали кататься на санкахъ и на конькахъ. Веселенькая, съ ярко блестящими глазами и съ розовыми щечками Соня возвращалась изъ парка въ домъ и бѣжала къ дядѣ. Онъ притягивалъ ее къ себѣ и звонко цѣловалъ ее въ свѣженькую щечку.

— Ну, что? — говорилъ онъ. — Привыкаешь?

Она бросалась къ нему на шею.

— Да, дядя, — отвѣчала она. — Мнѣ такъ стала нравиться ваша зима!

— Вотъ погоди, — продолжалъ дядя. — Настанетъ весна, потекутъ ручьи и запоютъ соловьи... Тогда ты и сама признаешь, что у насъ здѣсь лучше, чѣмъ даже въ Крыму.

Соня очень сдружилась съ Прасковьей и перевела ее изъ людской въ домъ. Прасковья по прежнему увлекалась ей, исполняла всѣ ея порученія и повсюду наводила чистоту. Съ утра и до вечера, съ тряпкой въ рукахъ, она переходила отъ угла къ углу и съ настойчивостью и терпѣніемъ, какъ говорилъ Боря, „вылизывала“ изъ нихъ пыль. Во всемъ домѣ появилась такая чистота, о какой раньше даже не было и помину.

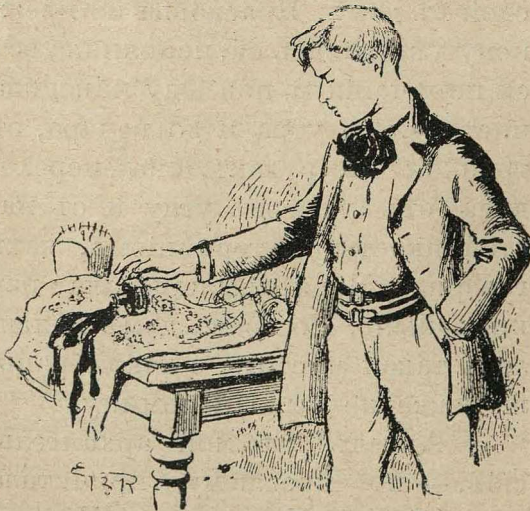
— Ангелъ ты мой архангельскій, — по прежнему причитала надъ Соней Прасковья. — И уродится же такое дитѣ! И отку-

Соня вышивала салфеточки и коврики.

да ты только къ намъ сюда слетѣла!

Боря не только помирился съ Соней, но горячо полюбилъ ее, какъ сестру. Теперь ужъ онъ не могъ обойтись безъ нея, слѣдовалъ за нею, какъ тѣнь, и былъ ея послушнымъ слугой. Что бы ни дѣлала она, онъ являлся ея рев-

И, взявъ со стола чернильницу, онъ вылилъ ее на работу Соня.

ностнымъ помощникомъ и готовъ былъ теперь пойти за нее хоть въ воду и въ огонь. Такая перемѣна произошла въ немъ сразу, благодаря одному случаю, въ которомъ онъ былъ глубоко виноватъ.

Еще осенью, когда начались длинные вечера, Соня часто забиралась къ себѣ въ комнату и съ таинственнымъ видомъ оставалась тамъ одинъ или два часа.

— И какъ ты намѣрена ему отмстить?

Это очень забавляло ея дядю и Ивана Игнатьевича. Они знали, что она готовитъ какой-то сюрпризъ, и многозначительно переглядывались между собой. Боря тоже былъ очень заинтересованъ секретомъ двоюродной сестры, часто, заглядывалъ къ ней въ замочную скважину, стараясь узнать, чѣмъ она была занята, но такъ и оставался ни съ чѣмъ. Она всегда сидѣла спиною къ двери.

Въ горахъ Швейцаріи.

— А я знаю, что ты тамъ дѣлала!—дразнилъ онъ ее, когда она выходила изъ комнаты.—Я видѣлъ все въ замочную скважину!

Но она не обращала на него никакого вниманія и продолжала свое дѣло. Тогда онъ рѣшилъ узнать все насильно. Воспользовавшись случаемъ, когда она заперлась у себя въ комнатѣ, онъ подставилъ снаружи лѣстницу къ ея окну, тихонько, какъ кошка, взобрался по ней и заглянулъ къ ней черезъ стекло. Соня сидѣла спиною къ двери и, низко наклонившись надъ работой, вышивала по канвѣ подушку. 6-го октября предстоялъ день рожденія дяди и она вышивала ее ему въ подарокъ. Боря глядѣлъ на нее, боясь произвестъ малѣйшій шумъ. Какъ вдругъ кто-то постучался къ Сонѣ въ дверь. Она положила свою работу на столъ и пошла отворить. Вошла Прасковья и что-то сказала ей. Затѣмъ обѣ онѣ вышли по хозяйству. Воспользовавшись этимъ, Боря спустился на землю, обѣжалъ весь домъ и, ворвавшись въ комнату къ двоюродной сестрѣ, сталъ разглядывать ея работу. Она показалась ему безукоризненной. И вдругъ, что-то странное шевельнулось у него въ душѣ. Она готовить его отцу подарокъ, а онъ нѣтъ. Навѣрное, она хочетъ снова подлизаться къ своему дядѣ и заслужить его расположеніе этой подушкой! Нѣтъ, онъ недопуститъ

этого и помѣшаетъ ей выполнить ея замыселъ.

И взявъ со стола чернильницу, онъ вылилъ ее на работу Сони.

— Такъ тебѣ и надо!—сказалъ онъ и зашагалъ изъ комнаты по корридору.

Но чувство порядочности заговорило въ немъ, ему вдругъ сдѣлалось стыдно своего поступка и безконечно досадно, что онъ поступилъ такъ нехорошо, ему захотѣлось вдругъ бѣжать безъ оглядки изъ дома, плакать, кричать, умолять о прощеніи. Но сдѣланнаго было уже не вернуть, и онъ побѣжалъ къ себѣ въ дѣтскую, упалъ къ себѣ на кровать и подсунулъ голову подъ подушку. Ему было стыдно глядѣть на божій свѣтъ и казалось, что сейчасъ всѣ набросятся на него, станутъ указывать на него пальцами и кричать:

— Преступникъ! Преступникъ!

— Господи, зачѣмъ я это сдѣлалъ?—шепталъ онъ.—Зачѣмъ я такой злой? Прости меня и помири меня съ Соней!

До него донеслись быстрые шаги Сони. Это она возвращалась къ себѣ въ комнату. Затѣмъ вдругъ послышался ея крикъ. Сейчасъ она побѣжитъ къ дядѣ и подниметъ на ноги весь домъ.

Но она до самаго вечера не вышла изъ своей комнаты и никому ничего не сказала. Боря тоже до самаго вечера пролежалъ у себя

на кровати, подложивъ голову подъ подушку.

— Ты нездоровъ?—обратился къ нему Иванъ Игнатьевичъ и пощупалъ ему лобъ.

— Нѣтъ, ничего... — отвѣтилъ Боря.

— Чего же ты лежишь?

— Такъ...

Вечеромъ приѣхала слѣпая Ольга Ивановна и по обыкновенію прошла прямо въ комнату къ Сонѣ. Завидѣвъ ее, Соня обыкновенно радостно взвизгивала и бросалась къ ней навстрѣчу. Теперь она сидѣла угрюмо въ уголку и печальными глазами глядѣла на свою работу.

— Сонечка, гдѣ ты?—окликнула ее слѣпая.

— Здѣсь...—отвѣтила Соня.

— Гдѣ здѣсь?

— Тутъ, въ уголку...

Слѣпая подошла къ ней и оцупала пальцами ея лицо.

— Ты плачешь?—спросила она участливо, замѣтивъ, что щеки у Сони были мокры отъ слезъ.

— Да...

— Отчего?

— Я вышивала для дяди подушку, а Боря залилъ ее чернилами...

Ольга Ивановна глубоко вздохнула и опустила на стулъ.

— Бѣдная ты, бѣдная!—воскликнула она и притянула ее къ себѣ.— И что-же ты ему сказала?

— Ничего...—отвѣтила Соня и прижалась къ ея груди.

Слѣпая поцѣловала ее въ голову.

— А какой это былъ хорошій, добренькій мальчикъ!—вздохнула она.—Я и теперь еще его люблю. Несчастный, онъ растетъ безъ матери, безъ няни, безъ сестры... Его некому приголубить и пожалѣть... Его душа жаждетъ материнской ласки, но ея нѣтъ, и его сердце грубѣетъ и грубѣетъ съ каждымъ днемъ... И какъ ты намѣрена ему за это отомстить?

Соня всыхнула.

— Отомстить?.. — переспросила она. — Развѣ можно за обиды мстить?

Слѣпая еще крѣпче прижала ее къ себѣ и поцѣловала ее еще разъ.

— Пойдемъ!—сказала она.

Онѣ вышли въ столовую. Параша накрыла на столъ и подала уже первое блюдо. Сейчасъ должны собраться къ ужину всѣ. Вошелъ дядя и сѣлъ въ свое кресло. За нимъ явился Иванъ Игнатьичъ и всѣ усѣлись за столъ.

— А гдѣ-же Боря?—спросилъ Григорій Петровичъ.

— Кажется, онъ сегодня боленъ, отвѣтилъ учитель и крикнулъ:— Боря! Иди ужинать!

Послышались шаги и въ дверяхъ въ столовую появился Боря. Онъ былъ блѣденъ и губы у него дрожали.

— Папа, обратился онъ къ отцу.— Я готовъ вынести наказаніе. Можешь наказать меня, какъ тебѣ уго-

дно! Я злой и нехорошій мальчикъ!

Григорій Петровичъ поднялъ на него глаза.

— Наказать?—спросилъ онъ.— За что?

Боря съ удивленіемъ поглядѣлъ на Соню.

— Развѣ тебѣ Соня не говорила ничего?

— Ничего,—отвѣтилъ отецъ.

Боря подошелъ къ Сонѣ и протянулъ ей руку.

— Прости меня!—сказалъ онъ ей.—Я злой мальчикъ и мнѣ стыдно, что я такъ поступилъ!

Всѣ въ столовой притихли. Никто не ожидалъ, чтобы Боря самъ созналъ свою вину.

— Подойди ко мнѣ, мой милый мальчикъ,—вдругъ раздался голосъ слѣпой Ольги Ивановны.— У тебя доброе сердце, ты сдѣлалъ нехорошій поступокъ и раскаялся въ немъ. Это означаетъ, что у тебя прекрасная, добрая душа...

Боря еще ближе подошелъ къ двоюродной сестрѣ и опустилъ голову, не смѣя поднять на нее глаза.

Она закрыла обѣими руками лицо, хотѣла заплакать, но пересилила себя и вдругъ весело зашмыгалась.

— Какой ты смѣшной!—воскликнула она.—Неужели ты думалъ, что я на тебя обижаюсь?

Онъ измѣрилъ ее удивленнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Какая ты добрая!

Она еще разъ звонко засмѣялась и схватила его за руку.

— Давай помиримся!—сказала она.

— Давай!—отвѣтилъ онъ и весь просіялъ.

Слѣпая подошла къ нимъ и каждая изъ нихъ ощупала своими чуткими пальцами.

— Милые, славные, дорогіе!—сказала она.—Какіе вы оба хорошіе, какія прекрасныя у васъ души! Поцѣлуйте-же другъ друга и живите отнынѣ мирно!

Соня и Боря поцѣловались и съ этой минуты стали неразлучными друзьями.

Послѣ ужина Боря подошелъ къ Ивану Игнатьичу и обнялъ его за шею:—

— Простите меня, Иванъ Игнатьичъ...—сказалъ онъ.— Я всегда дѣлалъ вамъ непріятности, но теперь ужъ я не буду... Съ нынѣшняго дня я буду учиться хорошо!

Григорій Петровичъ, молча наблюдая всю эту сцену и не вѣрившій своимъ глазамъ, призвалъ къ себѣ Соню и посадилъ ее къ себѣ на колѣнку.

— Дитя мое,—сказалъ онъ.— Какъ я благословляю ту минуту, когда привезъ тебя сюда! Ты ожила мой домъ, ты внесла къ намъ радость и жизнь... Дошей-же эту измазанную чернилами подушку для меня. Она будетъ для меня дороже, чѣмъ всѣ подарки въ мірѣ!

Сонѣ было неловко, что ее такъ громко хвалили. Она соскочила съ колѣней дяди и со звонкимъ смѣхомъ убѣжала къ себѣ въ комнату.

Стоявшая тутъ-же Прасковья и видѣвшая всю эту сцену, всхлинула отъ умиленія и взявши концы своего грязнаго фартуха, стала утирать ими глаза.

— Голубушка, ты моя!—запричитала она.—Ангель ты мой, Божій, архангельскій! И уродится же такая душенька! Кокоренька ты моя безцѣнная.

Послѣ ужина обыкновенно расходились каждый по своимъ комнатамъ, но въ этотъ вечеръ еще долго сидѣли въ столовой. Дядя, Иванъ Игнатьичъ, Ольга Ивановна, Боря и возвратившаяся изъ своей комнаты Соня усѣлись всѣ съ ногами на большой турецкій диванъ и въ первый разъ за всѣ эти три года дядя развеселился и шутилъ. Онъ рассказывалъ даже смѣшныя анекдоты, а потомъ всѣ принялись за воспоминанія. Соня говорила о нянѣ, Григорій Петровичъ о своей покойной дочери, а Ольга Ивановна о томъ времени, когда еще видѣла и ласковое солнышко свѣтило и для нея.

Разошлись только въ одиннадцать часовъ. Утромъ встали поздно, но у всѣхъ почему-то было радостно на душѣ и казалось, что и солнце свѣтитъ какъ-то иначе.

Боря сдержалъ свое слово: онъ сталъ учиться превосходно. И

когда настала весна, когда съ горъ побѣжали ручьи и прилетѣли скворцы и въ воздухѣ повѣяло той отрадой, какую приносить съ собою только одна весна, Григорій Петровичъ призвалъ къ себѣ Борю и Соню и объявилъ имъ, что въ Маѣ они поѣдутъ въ Ярославль. Онъ хочеть, чтбы они учились оба въ гимназіи и потому должны держать экзамены вмѣстѣ со всѣми учениками.

Боря и Соня просіяли. Боже мой, какая радость! Они поѣдутъ въ Ярославль! Они будутъ учиться, будутъ оба гимназистами, будутъ имѣть друзей!

— А гдѣ мы будемъ жить?—задала Соня вопросъ.

— Если вы выдержите экзамены, то мы вернемся сюда на лѣто назадъ, а затѣмъ въ августѣ всѣмъ домомъ переѣдемъ въ Ярославль.

— Значить, будемъ тамъ жить весь годъ?—воскликнулъ Боря.

— Да, весь годъ,—отвѣтилъ ему его отецъ.—Только на лѣто будемъ возвращаться сюда...

Боря и Соня захлопали въ ладоши и стали прыгать.

А тѣмъ временемъ весна все болѣе и болѣе вступала въ свои права и близился уже тотъ моментъ, когда зазеленѣетъ травка, покроются листьями деревья и раздастся радостная пѣснь соловья.

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛАКОМКА.

(Басня).

У Коли заболѣлъ животъ,
И вотъ
Отъ боли онъ реветъ,
Ему хотятъ давать касторки,
Но въ довершеніе бѣды
Онъ не желаетъ отказаться отъ ѣды:
То рыжиковъ, то килекъ, то
икорки,
То колбасы покушать онъ не прочь
Или поѣсть пирожныхъ вѣласть;
День цѣлый ѣстъ, а въ ночь
Напасть:
Оретъ отъ боли во всю мочь.
И такъ кричитъ:— „Имѣйте-жь со-
страданье!
„Ужель не тронуть васъ мои стра-
данья?
„Ужель сочувствія ко мнѣ въ васъ
нѣтъ?“
И такъ въ отвѣтъ
Сказалъ ему его отецъ:
— „Глупецъ,

„Вѣдь наша жизнь совсѣмъ не
шутка,
„Мы здѣсь живемъ не для желудка.
„Чтобъ заслужить сочувствіе дру-
гихъ
„Ты долженъ каждый мигъ
„Давать себѣ отчетъ въ своихъ
поступкахъ,
„Всегда умѣреннымъ и скромнымъ
быть
„И для другихъ хотя немного жить.
„Не всѣ богаты, ходятъ въ шубкахъ,
„А есть и бѣдность,
„Ея ужъ жизнь совсѣмъ не та,
„Которою живешь ты здѣсь въ
избыткѣ,
„О, для нея она сплошная пытка!
„Тамъ роскошью считаютъ даже чай,
„Тамъ не понятно наше барство...
„Такъ вотъ теперь ты на себя пеняй
„И иль страдай,
„Иль въ наказанье пей лекарство!“

Кузнечикъ.

КЛАДЪ «СВЯТОЙ ЕВГЕНІИ».

Өома Ферроль былъ водолазъ. восточныхъ береговъ Англій. Его
Онъ жилъ со своимъ сыномъ Пье- жена умерла уже давно, просту-
ромъ въ маленькомъ домикѣ, на дившись при стиркѣ бѣлья.
берегу одного изъ скалистыхъ ост- Пьеръ былъ высокій, сильный
рововъ, которыхъ много у юго- юноша лѣтъ пятнадцати. Онъ про-

водилъ цѣлые дни на рыбной ловлѣ вмѣстѣ со своимъ отцомъ и сопровождалъ его иногда до того мѣста, гдѣ ему нужно было спуститься на дно океана для какихъ-нибудь развѣдокъ. Въ этихъ мѣстахъ часто гибли суда и его, какъ опытнаго водолаза, нанимали спуститься на дно и выгрузить изъ затонувшаго судна то, что можно было спасти.

Это были опасные спуски, требовавшіе большого навыка!

Однажды Тома возвратился съ одного изъ такихъ подводныхъ путешествій и глубоко задумался. Онъ весь вечеръ не говорилъ ни одного слова и, сидя около очага, на которомъ въ котелкѣ варилась уха, казался погруженнымъ въ глубокія размышленія.

— Отецъ, что съ тобой? спросилъ его Пьеръ.

— Ничего, отвѣтилъ Тома.—Ты завтра приготовь мнѣ мой водолазный костюмъ... Я кое-что задумалъ и если это осуществится, то мы будемъ богаты...

Утромъ онъ дѣйствительно ушелъ и вернулся опять только къ вечеру. Это повторялось затѣмъ въ теченіе цѣлой недѣли каждый день. И всякій разъ онъ возвращался домой совершенно разстроенный и усталый.

Пьеръ съ безпокойствомъ сталъ слѣдить за отцомъ. Онъ замѣтилъ, что водолазъ Тома сталъ часто разговаривать съ самимъ собою и

невыпадъ отвѣчать на его вопросы.

„Что такое съ отцомъ?“ спрашивалъ себя съ любопытствомъ Пьеръ.

И вотъ однажды ночью, когда онъ лежалъ на своей постели, состоявшей изъ набитаго водорослями тюфяка, онъ услышалъ слѣдующее:

— Да, это счастье!... Около острой скалы!... Совсѣмъ близко у берега... Я самъ видѣлъ своими собственными глазами надпись на кормѣ „Святая Евгенія“... Тамъ деньги... Много денегъ... Это богатства моего предка Мендозы..“

На другой день, вставъ съ восходомъ солнца, Тома былъ возбужденъ и взволнованъ.

— Вставай, мальчуганъ! сталъ онъ будить Пьера.—Слушай, что я тебѣ скажу! Мнѣ предстоитъ сегодня опасный спускъ... Это будетъ очень трудно... Но если я вернусь, то мы будемъ богаты. Если-же я задохнусь въ подводной глубинѣ, то положи мое тѣло рядомъ съ тѣломъ твоей покойной матери!

— Ты это смѣешься, отецъ? спросилъ его Пьеръ.

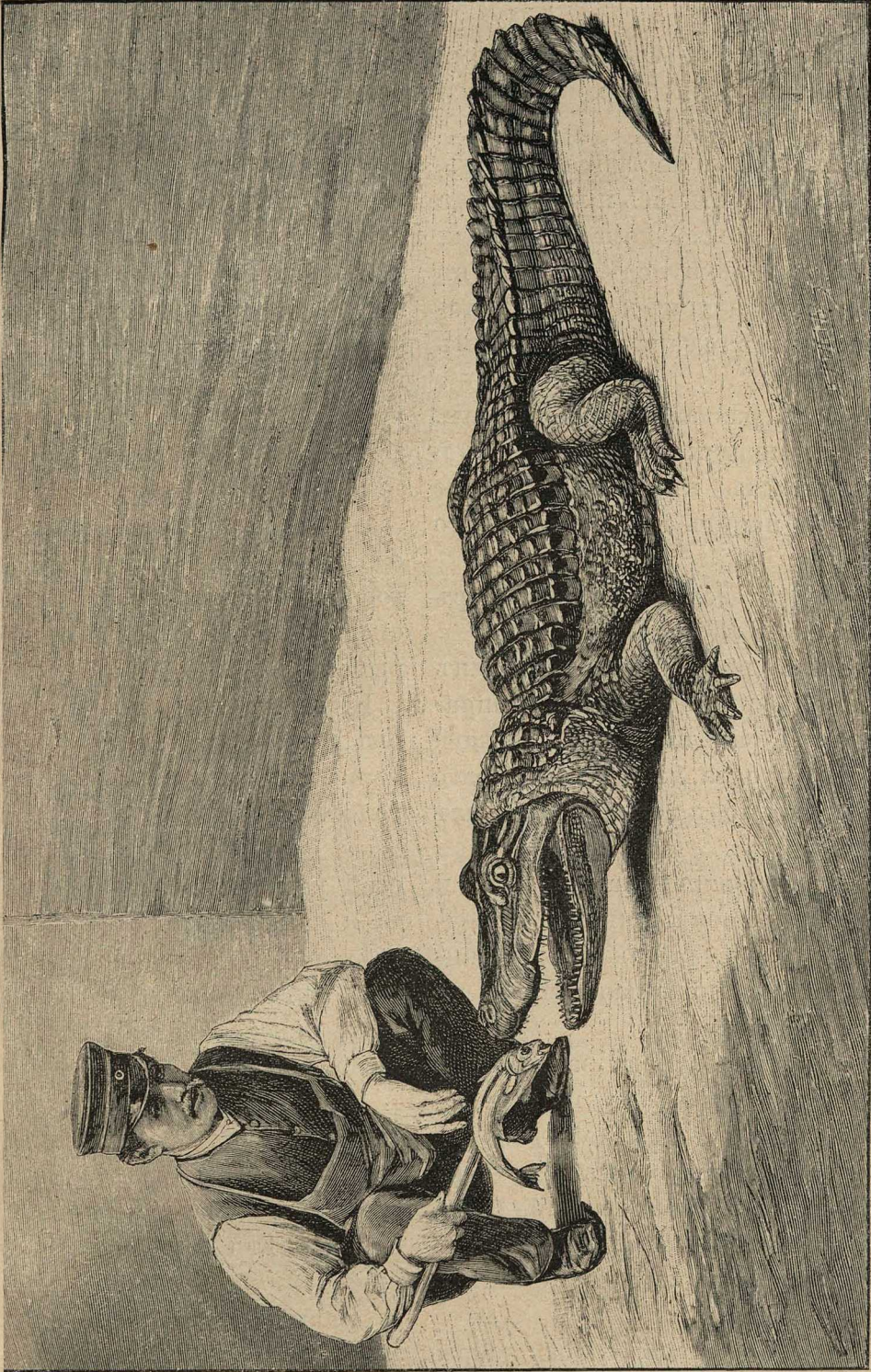
— Нѣтъ, сынокъ. Я сегодня рискую своей жизнью.

Онъ обнялъ сына, поцѣловалъ его въ лобъ и слезы показались у него на глазахъ.

Полный безпокойства, Пьеръ проводилъ отца и пошелъ ловить рыбу. Но эта ловля оказалась для

Черное письмо.

Гормінені крокодїла въ неволї.

него неудачной. Онъ все время думалъ объ отцѣ и возвратился домой ни съ чѣмъ.

Прошелъ день, наступилъ вечеръ, а за нимъ спустилась и ночь. Отца все еще не было дома. Живъ-ли онъ? Не задохнулся-ли онъ въ своемъ водолазномъ костюмѣ, оставаясь на днѣ океана дольше, чѣмъ было можно?

Но вотъ раздаются чьи-то шаги. Пьеръ прислушивается къ нимъ и выглядываетъ въ окно. Четыре человѣка несутъ на носилкахъ его отца.

— Умеръ! вскрикиваетъ Пьеръ и хватается за сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчаетъ одинъ изъ носильщиковъ. — Онъ поправится!... Я еще не теряю надежды!

— Но что за мысль такъ долго находиться подъ водой? прибавилъ другой.

Оому положили на кровать и одинъ изъ носильщиковъ, исполнившій среди рыбаковъ обязанности врача, похлопалъ Пьера по плечу и сказалъ:

— Побольше ухода за отцомъ и онъ скоро станетъ на ноги.—Побольше пищи и отдыха!

Пьеръ остался одинъ съ больнымъ отцомъ. Молчаливый, блѣдный, съ открытыми глазами, онъ лежалъ на матрацѣ на спинѣ и тяжело дышалъ.

— Отецъ, что съ тобою? обратился къ нему Пьеръ.—Отчего ты ничего не говоришь?

При звукѣ голоса сына Оома радостно улыбнулся, глаза его сверкнули и онъ упавшимъ голосомъ произнесъ:

— Я ихъ видѣлъ, сыночекъ... Это деньги наши... Я самъ былъ сегодня на „Святой Евгеніи“, но мнѣ не удалось ихъ взять. Нашъ предокъ Мендоза былъ ихъ лишенъ, но Господь сохранилъ ихъ для насъ...

— Какой Мендоза? въ удивленіи спросилъ Пьеръ.

— Нашъ предокъ, графъ Мендоза... продолжалъ больной.—Я не говорилъ тебѣ о немъ, чтобы не смутить тебя, простого, бѣднаго рыбака!

И, приподнявшись на постели, онъ притянулъ къ себѣ поближе сына и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:—

— Такъ знай-же, что ты не простой рыбакъ, а графъ! Теперь, когда я самъ своими руками трогался за корабль „Святую Евгенію“ и самъ видѣлъ наши богатства, я долженъ рассказать тебѣ все. Сядь-же сюда поближе и выслушай меня.

Пьеръ сѣлъ къ краю его кровати и приготовился ему внимать.

— Слушай, началъ свой рассказъ водолазъ Оома.—Четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Испанскій король Филиппъ II сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ своемъ мрачномъ дворцѣ Эскуриалѣ и хмурился. Ему донесли, что одинъ изъ его приближенныхъ, графъ

Мендоза, перемѣнилъ свою вѣру. Графъ раньше былъ католикомъ, а теперь сталъ протестантомъ. Это обидѣло короля и онъ придумывалъ теперь, какъ-бы построже наказать за это Мендозу.

— Онъ вѣроотступникъ...—ворчалъ король.—Я лучше откажусь отъ престола, чѣмъ царствовать надъ этими еретиками.. Я сожгу на кострѣ даже своего собственного сына, если только онъ попробуетъ отречься отъ нашей святой, католической вѣры!

— Какъ-же поступить съ графомъ Мендозой? спросилъ короля верховный судья.

Король подумалъ, постучалъ пальцами о столъ и сказалъ:—

— Сожгите его на кострѣ!

— А какъ поступить съ его семьей и богатствами?

— Семью выгоните изъ Испаніи вонъ, а богатства отберите въ казну!

На слѣдующій день, на площади, былъ сложенъ костеръ и при громадномъ стеченіи народа графъ Мендоза былъ сожженъ. Всю его семью, состоящую изъ жены, сына и двухъ дочерей, въ жалкомъ рубищѣ, на простыхъ тюремныхъ тѣлѣгахъ свезли на пристань, посадили на корабль и изгнали изъ Испаніи, а большія суммы денегъ, которыми владѣлъ несчастный графъ, были принесены къ Филиппу II въ Эскуріаль.

— Да будетъ благословенно имя Господне! сказалъ король, когда

ему донесли, что его приказъ исполненъ.—Слѣдите лучше за Нидерландами... Тамъ, говорятъ, теперь уже стали перемѣнять католическую вѣру на протестантскую. Побольше жгите на кострахъ этихъ вѣроотступниковъ. Развѣ можно молиться Богу иначе, чѣмъ по католическому обряду? Развѣ можно служить обѣдни на своемъ родномъ языкѣ?

— Такъ точно, ваше величество... отвѣтилъ смиренно верховный судья.

— На крестѣ у страдавшаго Христа, продолжалъ король, была прибита надпись на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, „Иисусъ Назорей, Царь Иудейскій“. Только на этихъ трехъ языкахъ и можно молиться.. Поэтому преслѣдуйте всякаго, кто только осмѣлится молиться на своемъ родномъ языкѣ. Жгите такихъ еретиковъ безъ всякаго сожалѣнія на кострахъ! Отбирайте у нихъ все ихъ богатство въ казну, а ихъ семьи изгоняйте изъ Испаніи.. Особенно-же слѣдите за Нидерландами! Тамъ уже стали молиться на своемъ родномъ, голландскомъ языкѣ!

— Слушаю, ваше величество...

— А теперь идите и оставьте меня одного!.. Я хочу молиться, чтобы Господь ввелъ мою душу въ рай.

Верховный судья вышелъ отъ короля и съ этого момента начались гоненія испанцевъ на Нидерланды.

Нидерланды достались Филиппу II въ наслѣдство отъ его отца и отстояли отъ Испаніи на очень далекое пространство. Чтобы попасть въ нихъ, нужно было или проѣхать черезъ всю Францію, или долго плыть моремъ мимо береговъ Англии. Ничего общаго они съ Испаніей не имѣли, вели свою собственную, трудовую жизнь, были трезвы и строги къ себѣ и съ покорностью платили Филиппу II-му дань. Но многіе изъ нихъ молились на своемъ родномъ языкѣ и это смутило Испанскаго короля. По его приказанію, въ ихъ городахъ появились вдругъ испанскія войска, нидерландцевъ стали хватать, заключать въ тюрьму, подвергать пыткамъ и жечь на кострахъ.

— За что это? переговаривались между собою нидерландцы.— Неужели мы не имѣемъ права молиться какъ хотимъ?

Но костры запылали на всѣхъ площадяхъ, заработали топоры и полилась кровь рѣкой.

— Вы еретики! кричали испанцы.— Намъ приказано васъ жечь и казнить!

Нидерландцы глухо переносили эти насилія и обиды. Строгость испанскаго короля ихъ раздражала и кончилось это тѣмъ, что они стали собираться въ тайныхъ мѣстахъ и обсуждать, какъ имъ быть.

— Отложимся отъ Испаніи! говорили одни изъ нихъ.

— Сбросимъ съ себя иго испанцевъ! предлагали другіе.

— Кого-же мы выберемъ себѣ въ полководцы? спрашивали третьи.

— Оранскаго! Оранскаго!

— Нѣтъ, не Оранскаго, а графа Эгмонта!

— Давайте выберемъ обоихъ! Пусть оба они ведутъ насъ на враговъ!

И Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ были выбраны нидерландцами въ полководцы и повели ихъ на враговъ.

— Нищіе! Нищіе! кричали на нихъ испанцы.— Что вы можете сдѣлать съ нами — богачами? Вы нищіе! Какъ по-нидерландски слово „нищій“? Гѣзы? Ну, такъ вы не солдаты, а „Гѣзы“!

— Ладно... отвѣтили Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ.— Хотя мы и гѣзы, а и вамъ тоже достанется на орѣхи!

Услышавъ о возстаніи гѣзовъ, Филиппъ II рѣшилъ ихъ жестоко наказать.

— Гдѣ мой вѣрный герцогъ Альба? задалъ онъ вопросъ.— Позовите его ко мнѣ!

Герцогъ Альба былъ суровъ и жестокъ, онъ цѣлыми тысячами могъ жечь на кострахъ еретиковъ и его сердце ихъ страданіями нисколько не смущалось.

— Герцогъ, обратился къ нему король.— Я посылаю тебя въ Нидерланды. Тамъ гѣзы возстали

противъ насъ. Накажи ихъ такъ, чтобы содрогнулся весь міръ!

— Да будетъ благословенно имя Господне! отвѣтилъ ему герцогъ Альба и отправился со свѣжими войсками въ Нидерланды.

Предвидя неминуемую гибель, нидерландцы притихли и смутились. Вильгельмъ Оранскій сложилъ съ себя званіе полководца и удалился за границу. Много другихъ нидерландцевъ послѣдовало за нимъ. Остался одинъ графъ Эгмонтъ. Онъ рѣшилъ встрѣтить грудью герцога Альбу и дать ему отпоръ или умереть.

Но вотъ появились испанскіе корабли. Съ нихъ высадились свѣжія испанскія войска. Вездѣ на площадяхъ они устроили висѣлицы и зажгли костры. Нидерландцевъ стали жечь сотнями и казнить. Ихъ имущества отбирали въ казну и чѣмъ богаче былъ человѣкъ, тѣмъ больше ему грозила опасность погибнуть на кострѣ. Повсюду разѣзжалъ самъ герцогъ Альба и руководилъ казнями. Вскорѣ графъ Эгмонтъ былъ схваченъ и тоже сожженъ на кострѣ.

— Теперь ужъ измѣны не будетъ... думалъ Альба.—Я навелъ на нихъ страхъ!

Но и Вильгельмъ Оранскій за границею тоже не дремалъ: онъ собралъ вокругъ себя своихъ бѣжавшихъ изъ родины нидерландцевъ и сталъ нападать съ ними на герцога Альбу. Другіе нидер-

ландцы построили наскоро корабли и подъ именемъ „Морскихъ Гёзовъ“ дѣлали нападенія на испанскій флотъ и жгли его со всѣхъ сторонъ или пускали его ко дну.

Герцогъ Альба попросилъ у Филиппа II свѣжихъ войскъ.

— Отозвать его назадъ! вспылилъ король.—Онъ не сумѣлъ справиться съ кучкой еретиковъ! Онъ обращался съ ними слишкомъ великодушно! Такъ пусть-же ѣдетъ оттуда обратно домой!

И герцогъ Альба былъ отозванъ изъ Нидерландовъ.

Среди сражавшихся съ испанцами нидерландцевъ былъ одинъ красивый молодой человѣкъ, по имени Ферроль. Онъ всегда находился въ первыхъ рядахъ и сражался такъ, какъ только можетъ сражаться левъ.

— Кто ты? спросилъ его однажды Вильгельмъ Оранскій.—У тебя не голландское лицо и ты плохо говоришь по нашему. Почему ты среди насъ и сражаешься за наше дѣло?

Молодой человѣкъ провелъ рукой по чернымъ курчавымъ волосамъ и глаза его свергнули.

— Я сынъ графа Мендозы.. отвѣтилъ онъ.—Моего отца сожгли на кострѣ, а меня, мою мать и сестеръ изгнали изъ отечества. Въ тяжкой бѣдности, почти нищія, всѣ онѣ умерли, вздыхая о своемъ домѣ и нашемъ безчестно погибшемъ отцѣ. Я далъ себѣ клятву

отомстить за отца и за нихъ и вотъ перемѣнилъ себѣ фамилію и сражаюсь въ вашихъ рядахъ. Не лишай меня удовольствія отомстить!

Вильгельмъ Оранскій пожалъ ему руку и отошелъ къ своимъ войскамъ.

Вскорѣ Нидерландцы снарядили цѣлый флотъ небольшихъ судовъ и стали беспокоить испанцевъ со всѣхъ сторонъ. Жалкіе остатки испанской арміи бродили изъ города въ городъ, грабили и убивали, но это уже не была великая непобѣдимая армія испанскаго короля Филиппа II-го. Теперь уже Нидерландцы взяли перевѣсъ и стали истреблять ихъ и на сушѣ, и на морѣ. Но изнемогши въ тяжелой борьбѣ, они обратились къ англійской королевѣ съ просьбой:—

— Королева Елисавета, помоги намъ! сказали они.—Ты такъ-же молишься на своемъ родномъ языкѣ, какъ и мы. Не отдавай насъ во власть католическому королю, который сожжетъ насъ всѣхъ на кострахъ.

Тогда королева Елисавета прислала имъ на помощь англійскій флотъ. И оба флота вмѣстѣ—Англійскій и Нидерландскій—стали опустошать испанскія владѣнія. На одномъ изъ нидерландскихъ кораблей отличался черноволосый молодой человекъ. Это былъ нашъ предокъ Ферроль, сынъ графа Мендозы.

— Я завѣщаю мою месть за отца своимъ дѣтямъ, сказалъ онъ,— пусть они будутъ врагами испанцамъ изъ рода въ родъ!

А тѣмъ временемъ королю Филиппу II уже донесли, что Англійская королева вступила съ нидерландцами въ союзъ.

— Наказать сейчасъ-же англичанъ! въ ярости воскликнулъ Филиппъ II.—Снарядите такой громадный флотъ, равнаго которому еще никогда не было на свѣтѣ! Заготовить сотни, тысячи судовъ! Набрать миллионы матросовъ и задавить Англію и Нидерланды такъ, чтобы они едва успѣли одишь разъ вздохнуть!

И принялись испанцы за снаряженіе флота. Это былъ такой громадный флотъ, равнаго которому не было въ мірѣ. Его назвали „Непобѣдимой Армадой“. Передъ его отплытіемъ въ походъ, король потребовалъ къ себѣ его командующаго Медину Сидонію и сказалъ ему:

— Герцогъ, вамъ въ походѣ нужны будутъ деньги. Я дамъ вамъ на нѣсколько миллионовъ золотыхъ монетъ. Раздавайте ихъ всѣмъ, кто отличится въ предстоящей войнѣ.

Онъ вышелъ и возвратился съ слугами, которые несли въ сундукахъ золотыя монеты.

— Это деньги, взятыя у еретика Мендозы, сказалъ король.— Самъ Мендоза сожженъ на кострѣ, а его

деньги должны быть истрачены на добрыя дѣла. Поэтому награждайте ими всѣхъ, кто отличится въ вашемъ походѣ.

Медина Сидонія взялъ отъ короля деньги, помѣстивъ ихъ на свой корабль „Святая Евгенія“ и „Непобѣдимая Армада“ вышла изъ Лиссабонской гавани къ Англійскимъ берегамъ. Но Богу угодно было судить иначе. Едва только испанскій флотъ вышелъ въ открытое море, какъ началась страшная буря, которая продолжалась затѣмъ каждый день. Огромныя испанскія суда съ трудомъ подвигались впередъ, а на нихъ исподтишка нападали мелкія англійскія и нидерландскія суда и испанцы терпѣли уронъ. Набранные на спѣхъ испанскіе матросы оказались не такими храбрыми, какъ ожидалъ король Филиппъ II, и „Непобѣдимая Армада“ стала терпѣть одну неудачу за другой. У береговъ на нее напалъ англійскій флотъ и истребилъ большую ея половину. Медина-Сидонія долженъ былъ убѣгать вокругъ всей Англїи. Жалкіе остатки „Непобѣдимой Армады“ напоролись на наши скалистые острова и большая часть испанскихъ кораблей пошла ко дну. Пошелъ ко дну и корабль самого Медины-Сидонїи „Святая Евгенія“ съ милліонами нашего предка графа Мендозы...

Больной закрылъ глаза и перевелъ духъ. Взволнованный его

разказомъ Пьеръ сидѣлъ около него и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца.

— Только жалкіе клочки своей „Армады“ привелъ Медина-Сидонія обратно въ Испанїю, снова началъ водолазъ Тома.— Со страхомъ онъ предсталъ предъ грозныя очи своего короля. Онъ ожидалъ отъ него казни или ссылки въ отдаленныя мѣста. Но Филиппъ II встрѣтилъ его спокойно и почти ласково сказалъ: — „Я посылалъ васъ, герцогъ, сражаться съ англичанами и съ нидерландцами, а не съ бурями и скалами. Да будетъ благословенно имя Господне!“ И Медина-Сидонія ушелъ...

— Ну, и что-же далѣе? спросилъ водолаза Пьеръ.

Больной приподнялся на постели. Глаза его засвѣтились какимъ-то страннымъ блескомъ.

— Все то, что я разказалъ тебѣ сейчасъ, сказалъ онъ, — повѣдалъ мнѣ мой покойный отецъ, а ему разказалъ его отецъ и такъ далѣе до того самаго Ферроля, сына графа Мендозы, который былъ изгнанъ изъ Испанїи Филиппомъ II-мъ и сражался за свободу Нидерландовъ. Тенерь ты знаешь, кто ты такой. Ты—испанскій графъ!

Но Пьера мало интересовало это сообщеніе отца.

— А что-же сдѣлалось со „Святой Евгенїей“? спросилъ онъ его.— Ты говоришь, отецъ, что она погибла у нашихъ береговъ!

Любопытно посмотреть, что там такое?

Наказанное любопытство.

Отецъ поглядѣлъ на сына и гордость засвѣтилась у него въ глазахъ.

— Я нашелъ ее, Пьеръ!... отвѣтилъ онъ. — Я былъ на ея палубѣ, я видѣлъ надпись на ея кормѣ, я самъ собственными руками осязалъ ея борта... Но принадлежащихъ намъ капиталовъ графа Мендозы я взять не смогъ...

Онъ утомился отъ своего длиннаго разсказа, откинулся на подушку и впалъ въ забытѣе. Спустилась глубокая ночь. Замигали звѣзды на небѣ и слышно было, какъ у берега шумѣло море. Отецъ лежалъ въ забытѣѣ. Этотъ потомокъ знаменитаго испанскаго графа, этотъ труженикъ моря, лежалъ теперь въ жалкой хижинѣ, забытый всѣми и ненужный никому и быть можетъ умереть, не оплаканный никѣмъ.

„Давайте больному побольше пищи“, звучали въ ушахъ Пьера слова принесшаго его врача.

А гдѣ взять этой пищи? На какія деньги ее пріобрѣсти, когда во всемъ домѣ не было ни гроша?

И вдругъ странная мысль пришла въ голову Пьеру. Почему-бы ему самому не надѣтъ на себя сейчасъ отцовскаго водолазнаго костюма и не попробовать опуститься на дно океана и не взять со „Святой Евгеніи“ то, что ему принадлежитъ?

Начинался разсвѣтъ. Пьеръ смотрѣлъ, какъ алѣлъ востокъ, и при-

слушивался къ тяжелому дыханію отца. Да, онъ пойдетъ сейчасъ на дно океана, онъ посѣтитъ „Святую Евгенію“ и вернется богачемъ и тогда жизнь его отца будетъ обезпечена навсегда!

Немного блѣдный, но рѣшительный, онъ поднялся съ мѣста, обнялъ задремавшаго больного и вышелъ изъ дома. Придя на берегъ, онъ отвязалъ лодку Оомы, вошелъ въ нее, осмотрѣлъ весла и снасти и сталъ надѣвать на себя отцовскій водолазный костюмъ. Онъ натянулъ на ноги резиновые башмаки со свинцовыми подошвами, надѣлъ на голову мѣдный шлемъ съ большими стеклами для глазъ и тщательно застегнулъ на себѣ куртку. Привязавъ затѣмъ себѣ къ поясу веревку и прикрѣпивъ другою конецъ ея къ лодкѣ, онъ взмахнулъ веслами и направился къ тому мѣсту, гдѣ на днѣ океана должна была находиться „Святая Евгенія“. Бросивъ здѣсь якорь онъ сошелъ съ лодки въ воду и сталъ спускаться внизъ. Спускъ былъ очень медленный, такъ какъ Пьеръ, не могъ опускаться болѣе двухъ аршинъ въ минуту. Черезъ нѣкоторое время онъ почувствовалъ отъ недостатка воздуха звонъ и шумъ въ ушахъ и дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Въ испугѣ онъ остановился и сомнѣніе наполнило его душу. Спускаться-ли далѣе?

— Впередъ! проговорилъ онъ.—

Смѣлѣе! Какъ-же спускается твой отецъ?

И онъ храбро сталъ продолжать свой путь. Теперь уже стихло жужжаніе въ его ухахъ и могильная тишина моря окружила его со всѣхъ сторонъ. Но Пьеръ уже больше не боялся ничего. Воспоминаніе объ отцѣ придавало ему смѣлости, не смотря на то, что объятія моря становились все тѣснѣе и грознѣе и начинали сдавливать ему бока.

— Впередъ! Впередъ!

Наконецъ онъ достигъ дна... Онъ остановился на мгновение, чтобы передохнуть. Необозримыя поля подводныхъ травъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Кругомъ него суетились испуганныя рыбы и плавали медузы. Голубыя, серебрянныя и нѣжно розовыя актиніи протягивали къ нему свои щупальцы и шевелили ими. Громадные омары и крабы ползали по дну и шевелили усами. Онъ бодро шествовалъ черезъ водоросли и оглядывался пристально по сторонамъ. Но ничто не появлялось передъ нимъ, ничего похожего на затонувшее судно! Море казалось лишеннымъ даже малѣйшихъ воспоминаній о чловѣкѣ.

Тогда тоска охватила его сердце. Что если онъ ошибся? Онъ хотѣлъ кричать, плакать, звать на помощь,—но кто могъ услышать его на пустынномъ днѣ нелюди-

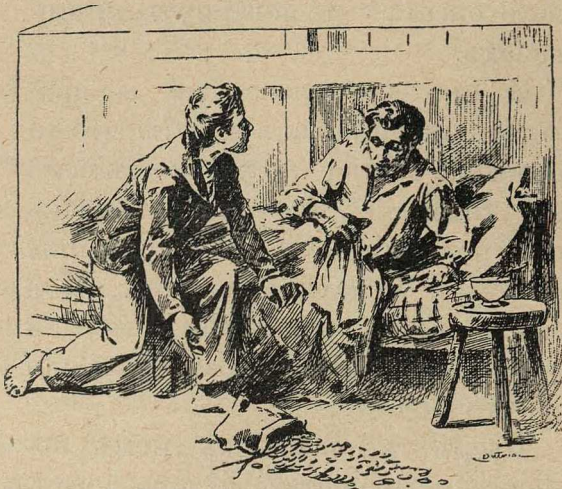
маго океана? Не повернуть-ли ему назадъ?

И онъ собрался уже возвратиться назадъ, какъ вдругъ что-то большое, темное привлекло къ себѣ его вниманіе. Это былъ корабль съ поломанными до половины мачтами, лежавшій на боку. Изъ его люковъ выплывали рыбы и громадные, зеленые раки ползали по его бокамъ.

Пьеръ подошелъ къ нему поближе и прочиталъ на его кормѣ „Святая Евгенія“.

Радость наполнила его сердце. Онъ вскарабкался по его борту на палубу, нашарилъ лѣстницу внизъ и таща за собою свою веревку, сталъ спускаться внутрь погибшаго когда-то корабля. Встревоженныя рыбы задѣвали его своими хвостами, откуда-то изъ глубины выплылъ спрутъ и зашевелилъ передъ нимъ своими щупальцами.

Но онъ смѣло спустился внизъ... Онъ вошелъ въ большую каюту, которая была теперь сплошь залита водой, и на привинченномъ къ полу столѣ, при свѣтѣ своего фонаря вдругъ увидѣлъ массу золотыхъ денегъ. Тутъ-же сбоку, на полу, стояли уже истлѣвшіе мѣшки и изъ нихъ тоже высыпались золотыя монеты. Собрать ихъ всѣ и унести ихъ съ собою не представлялось теперь никакой возможности. Только одинъ изъ мѣшковъ, самый маленькій изъ всѣхъ, оказался наиболѣе крѣпкимъ. Онъ

Вмѣсто отвѣта Пьеръ развязалъ мѣшокъ и высыпалъ передъ отцомъ червонцы.

поднялъ его съ полу поставилъ его на столъ, привязалъ къ своему поясу и послѣдовалъ обратно.

Выйдя на палубу, онъ почувствовалъ, что ему уже не хватаетъ воздуха и что силы начинаютъ его оставлять.

„Погибъ“... вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.

Но онъ былъ молодъ, онъ умѣлъ владѣть собою и, недавъ себѣ воли, онъ напрягъ свои послѣднія силы и сталъ карабкаться по веревкѣ наверхъ.

Добравшись до лодки, онъ вылезъ въ нее изъ воды и тотчасъ же лишился чувствъ...

Когда онъ очнулся и пришелъ въ себя, то свѣтило уже полуден-

ное солнце. Дрожавшей рукой онъ ощупалъ на себѣ свой мѣшокъ и убѣдился, что его спускъ на дно океана не былъ тяжкимъ сномъ. Онъ развязалъ его и передъ нимъ сверкнули на солнцѣ золотыя монеты времянь короля Филиппа. Это были деньги Мендозы. Они принадлежали теперь его потомку Пьеру Ферролю, который самъ досталъ ихъ изъ погибшаго корабля.

И, снявъ съ себя водолазный костюмъ, Пьеръ взмахнулъ веслами и весело поплылъ къ себѣ домой.

Его отецъ Тома лежалъ въ забытьѣ на своей постели. Шумъ, съ которымъ возвратившійся Пьеръ отворилъ дверь, и проникшій въ хижину вѣтеръ разбудили стараго водолаза. Онъ открылъ глаза, увидѣлъ Пьера и улыбнулся ему.

— Ты уже пришелъ? спросилъ онъ его.

Вмѣсто отвѣта Пьеръ подошелъ къ нему и, полный радостнаго волненія, развязалъ мѣшокъ и высыпалъ передъ нимъ червонцы.

— Смотри, отецъ! воскликнулъ онъ.— Вотъ наши деньги! Я досталъ ихъ со „Святой Евгеніи“!

Отецъ смотрѣлъ на него и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Константинъ Пов—нъ.

ЯБЛОНЯ.

Укрыла, помнишь, насъ, сыножь,
Весною яблоня вѣтвями,
Пронесся легкій вѣтерокъ
И насъ осыпалъ лепестками.
Смѣялся ты и лепестки
Ловилъ проворною рукою
И, какъ живые мотыльки,
Они кружились надъ тобою.

Теперь-же яблоня стоитъ,
Отъ зимней стужи замирая,
И вѣтеръ злится и шумитъ,
Вѣтвями голыми качая.
И снится яблонѣ — весна,
И соловей въ кустахъ сирени,
Коверъ изъ травъ, и вотъ луна
На немъ вѣтвей рисуетъ тѣни...

Николаева.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы два слова, означающія:

- 1) Небесное свѣтило.
- 2) Часть тѣла.

Если отъ перваго изъ нихъ взять первый слогъ, а отъ втораго — послѣдній и поставить ихъ рядомъ, то выйдетъ названіе города Петербургской губерніи.

Какія слова задуманы и какой это городъ?

II.

Слово состоить изъ шести буквъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. 2. 3. 4. 5. 6

и означаетъ домашнюю птицу. Если взять буквы 3. 2. 1. 6, то получится часть нашего тѣла. Буквы 5. 4. 3. 1, означаютъ то мѣсто, гдѣ прыгаютъ клоуны, а буквы 1. 4. 3. 1. 6. — нѣмецкую церковь.

Указать, какая это домашняя птица?

III.

Задуманы два слова означающія:

- 1) Деревню съ церковью.
- 2) Часть скелета позвоночныхъ животныхъ.

Если отъ перваго слова взять первый слогъ и приставить его ко всему второму слову, то получится названіе благороднаго металла.

Какія слова задуманы и какой это металл?

IV.

Слово повернуто задомъ напередъ и состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 7. 3. 9. 1. означаютъ часть мяса, 5. 3. 4. 6—напитокъ, 10. 4. 3. 7. 4. 3. 2. 1 любителя книгъ, 4. 6. 7. 1—инструментъ, необходимый въ домашнемъ быту; 9. 8. 4. 6. 10. 1—базаръ, 10. 6. 5. 9. 3. 2. 1—принадлежность передней, 2. 9. 3. 10. 1—повышеніе голоса, 9. 8. 7. 3. 2. 1—названіе гриба, 4. 8. 9. 6. 2. 1—водяную птицу.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ ягодный кустарникъ.

V.

Задуманы два слова, означающія:

1) Человѣка воздѣлывающаго землю.

2) Названіе города Тверской губерніи.

Взять отъ нихъ по послѣднему слогу и составить изъ этихъ словъ названіе большого города на югѣ Россіи.

VI.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, въ чемъ стираютъ бѣлье.

2) Классные столы.

3) То, изъ чего пекутъ булки.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первой и по послѣдней буквѣ. Такимъ образомъ получатся три слога. Изъ этихъ слоговъ составить новое слово, означающее то, что замѣняетъ коровамъ и лошадамъ башмаки.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

VII.

У какого животнаго всегда есть деньги?

VIII.

Какія три буквы составляютъ названіе матеріи?

(Предложилъ Андрияша Федотовъ—донской казачекъ).

IX.

Какъ называется ягода, послѣдній слогъ названія которой составляетъ собою крупу.

(Предложила графиня Ниночка Каменская).

X.

Задуманы два слова, означающія:

1) Домашнее животное.

2) То, что виситъ на колокольнѣ.

Взять отъ перваго слова первый слогъ, а отъ втораго—послѣдній и составить изъ этихъ двухъ слоговъ новое слово, означающее хищную птицу, которая въ старину употреблялась для охоты.

Какія слова задуманы и какая это птица?

XI.

Изъ каждой изъ слѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить изъ этихъ словъ начало известной басни И. А. Крылова.

1) Лягушка громко квакала въ болотѣ.

2) Мы увидѣли стадо, которое паслось на лугу.

3) Увидѣвши паяца, мальчикъ громко разсмѣялся.

4) У этого вола очень длинные кривые рога.

5) Дѣвочка затѣяла игру въ куклы.

6) Со слономъ въ дородствѣ никто не можетъ быть равенъ.

7) Къ намъ пріѣхалъ гость и я пошелъ съ нимъ въ лѣсъ.

8) Съ соловьемъ ни одна птица не можетъ сравняться по голосу.

(Предложила Женя Стрекоза).

XII.

Кто можетъ съѣсть два кренделя натошакъ?

(Предложилъ Витя Быстрицкій).

XIII.

Мое первое—нота, а второе то, что есть у оленей и у быковъ. Цѣлое то, по чему ѣздятъ телѣги. Что это такое?

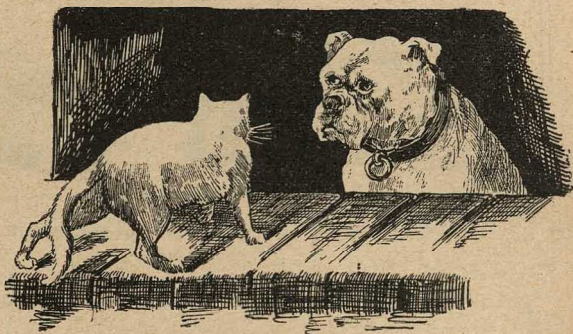
Рѣшеніе головоломки и ребуса, помпщенныхъ въ № 1 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. 1) Букашка, 2) Машина, 3) Галилея. Задуманное слово—*бумага*.

II) Град + ус + никъ = градус-никъ.

III) Оси + на (осина),... ли + па (липа),... оль + ха (ольха),... кипа + рисъ (кипарисъ),... ду — бѣ (дубъ),... вязъ,... то + поль (тополь),... ряби + на (рябина),... осо + корь (осокорь),... ива.

Ребусъ: № 1. У въ о до + поясъ + о + бра + лось + м + ножъ + ествъ + о + лошадь + ей = у водопоя собра-лось множество лошадей.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Юра Алексѣевъ въ СПБ., Ксенія Климова, Володя Петровъ, Коля Молчановъ, Надя Салтыкова, Сережа Жолтиковъ въ СПБ., Вася Сикорскій, Марта Мрозовская, Нина Бергъ, Витольдъ Румшевичъ, Соня Славницкая, Вѣрочка Незнатнова, Жоржикъ Поповъ Нина и Женя Цѣшковскіе, Юлія Ряднова, Надя Истомина, Вова Струковъ, Шура Обморшевъ, изъ Козлова, Петя Сирійскій, Юра и Оля Губины изъ Луги, Гертруда Фуксъ, Зоя Рейшах-Ритъ, Надя Золотарева, Андрюша Ѳедотовъ донской казачекъ изъ Щучина, Сережа Гуляницкій. Ермолаевъ, Шушу Георгіевская, Коля Гор-таловъ изъ Вологды, Шура и Нина Прокура-ковы изъ Вологды Маня Шиманская въ СПБ., графиня Ниночка Каменская, Аля Болдырева, На-дя и Вѣра фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Ваня Гладковъ изъ Кіева, И. Ермолаевъ, Юра Влады-кинъ изъ Выборга, Витя Быстрицкій изъ Цари-цына.

РЕБУСЪ № 2.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусы, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Романы, повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.